

СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье анализируются теоретические, практические и компаративистские особенности правовой защиты при обжаловании ограничительных мер Европейского Союза. Рассматриваются правовые основы применения ограничительных мер и отдельные специфические правовые положения. Уделяется внимание отдельным механизмам и способам правовой защиты третьими странами от применения ограничительных мер со стороны Европейского Союза.

Ключевые слова: Европейский Союз, международное право, третьи страны, ограничительные меры, санкции, обжалование ограничительных мер, право Европейского Союза.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.130.9.127-133

В Европейском Союзе санкции (они же ограничительные меры) рассматриваются как один из основных «силовых» механизмов в сфере экономики, необходимых для воздействия на третьи страны, а также отдельных физических и юридических лиц для достижения целей Союза.

Собственно, санкции в соответствии с используемой в ЕС концепцией *smart power* — это последний инструмент, применяемый либо до непосредственно силового воздействия в рамках отдела 2 гл. 2 Договора о Европейском Союзе (далее — ДЕС) «Положения об общей политике безопасности и обороны», регламентирующей *inter alia* проведение Союзом

военных и гражданских миссий за пределами ЕС, либо в случае, когда по каким-либо причинам такое силовое вмешательство не представляется возможным.

Правовой основой для введения санкций (ограничительных мер) выступает ст. 29 ДЕС, позволяющая Союзу принимать решения, определяющие позицию Союза по отдельным вопросам географического или тематического характера. В частности, такие решения могут предусматривать полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами или их гражданами и юридическими лицами. Однако в связи с тем,

© Слепак В. Ю., Трубачева К. И., 2017

* *Слепак Виталий Юрьевич*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

v.slepak@consult-systems.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** *Трубачева Кристина Игоревна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

krista_@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

что социально-экономические аспекты внешнеполитического характера фактически изъяты из сферы действия Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), уполномочивающей статьей для введения ограничительных мер в экономической сфере выступает ст. 215 Договора о функционировании Европейского Союза (далее — ДФЕС).

Таким образом, Европейский Союз для введения ограничительных мер издает как минимум два документа: решение в рамках ОВПБ в соответствии со ст. 29 ДЕС и принятый в соответствии со ст. 215 ДФЕС в целях наиболее полной его реализации регламент, накладывающий на субъектов права ЕС обязательства¹ экономического характера.

В связи с тем, что по своей природе ограничительные меры ЕС являются преимущественно инструментом ОВПБ, возможность их введения и вообще вся деятельность Союза на международной арене обусловлены согласно ст. 23 ДЕС принципами, установленными в ст. 21 ДЕС. К ним относятся демократия, правовое государство, всеобщность и неделимость прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, соблюдение принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права.

Кроме того, ограничительные меры могут вводиться только для достижения целей, установленных учредительными договорами. Таковыми, согласно ст. 3 и 21 ДЕС, являются, помимо прочего, защита ценностей ЕС², основополагающих интересов, безопасности ЕС, независимости и целостности; консолидации и поддержки демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права; сохранение мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности в соответствии с целями и принципами Устава ООН, а также принципами Хельсинского Заключительного акта и целями

Парижской хартии, включая те, которые относятся к внешним границам; развитие международной системы, основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении.

Как видно из целей и принципов осуществления общей внешней политики Европейского Союза, на первый план выдвигаются именно интересы и ценности Союза (что не удивительно, а с учетом универсального характера самих принципов и целей ЕС в сфере внешней политики еще и абсолютно закономерно). Таким образом, сами ограничительные меры ЕС отражают осуждение деяний третьих стран, не совместимых с ценностями и принципами ЕС, и одновременно направлены на побуждение таких третьих стран прекратить противоправное с точки зрения ЕС деяние.

Соответственно, самым простым способом добиться отмены ограничительных мер для государства будет прекращение противоправного поведения.

Ярким примером такой ситуации является Республика Беларусь. Еще в начале 2006 г. Советом ЕС были приняты одни из первых мер ограничительного характера по отношению к лицам, ответственным за нарушения международных избирательных прав и прав человека. К таким лицам, были применены меры ограничительного характера в форме запрета на въезд на территорию ЕС, а также подверглись «заморозке» их активы. Меры ограничительного характера также получили легальное закрепление в новых решениях Совета. Это Решения Совета 2011/69/CFSP от 31 октября 2011 г., дополняющие Решение Совета 2010/639/CFSP относительно применения ограничительных мер в отношении конкретных должностных лиц Беларуси³, а также Решение Совета № 84/2011⁴, дополняющее Решение ЕС № 765/2006 относительно ограничительных мер, применяемых в отношении Президента Лукашенко⁵. Дальнейшее развитие данные по-

¹ Преимущественно запреты на различные формы взаимодействия.

² Предусмотрены ст. 2 Договора о Европейском Союзе.

³ ОJ L 280 26.10.2010.

⁴ ОJ L 28/17 2.2.2011.

⁵ Эти решения направлены против конкретных лиц, указанных в приложениях к решениям, и предусматривают такие ограничительные меры, как замораживание счетов и других экономических ресурсов лиц, ответственных за нарушения международных принципов президентских выборов и избирательных стандартов при проведении президентских выборов 19 декабря 2010 г. в Беларуси, а также за использование репрессий против гражданского общества и демократической оппозиции.

зиции получили свое закрепление в последующих Решениях Совета⁶. Так, Решение Совета от 20 октября 2013 г.⁷ 2013/534/CFSP вносит изменения в предыдущее Решение 2012/642/CFSP касательно ограничительных мер в отношении Беларуси, продлевая применение ограничительных мер уже до 31 октября 2015 г.

Но, в свою очередь, ЕС закрепляет и возможность пересмотра данных положений и отмены ограничительных мер, если политическая ситуация в Беларуси начнет меняться в позитивном и демократическом направлении⁸. В подтверждение вышесказанного в ноябре 2014 г. ЕС сократил число физических лиц на 24 человека из ранее утвержденного «черного списка». Кроме прочего, меры ограничительного характера были сняты и с семи юридических лиц⁹.

Но рассмотренный вариант предполагает, что государство-нарушитель идет на сотрудничество. Сложнее, когда государство, в отношении которого применены ограничительные меры, свое поведение считает абсолютно правомерным и собирается оспаривать санкции.

Необходимо учитывать, что фактически органы международного правосудия не имеют возможности воздействовать на ЕС в части отмены санкций.

Во-первых, невозможно прибегнуть к помощи основного международного органа правосудия — Суда ООН. В силу ст. 34 Статута Суда ООН только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым Судом, в то время как ограничительные меры вводятся организацией Европейский Союз в целом.

Во-вторых, хотя ограничительные меры часто носят экономическую направленность и затрагивают вопросы международной торговли, обращение к Органу разрешения споров ВТО также не принесет желаемого эффекта¹⁰. Как указывалось выше, санкции ЕС направлены на защиту основополагающих интересов, безопасности ЕС, консолидацию и поддержку

демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права; сохранение мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности. Возможность отступать от установленных в ВТО правил торговли по соображениям безопасности, содержатся в ст. XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ, англ. General Agreement on Tariffs and Trade), ст. XIV. bis Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС, англ. General Agreement on Trade in Services) и ст. 73 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, англ. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights) с одинаковым названием «Исключения, относящиеся к безопасности». Основным недостатком данных положений об исключениях по соображениям безопасности является то, что они фактически изъяты из-под контроля органов ВТО и применяются государствами самостоятельно. При этом каких-либо критериев, по которым ту или иную ситуацию можно расценивать как подпадающую под сферу действия ст. XXI ГАТТ, XIV. bis ГАТС или ст. 73 ТРИПС также в праве ВТО нет. Эти меры «могут применяться в отношении расщепляемых материалов или материалов, из которых они производятся, торговли оружием, боеприпасами и военными материалами, а также в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях»¹¹.

Другим препятствием для использования механизмов ВТО при оспаривании санкций, наложенных ЕС, является то, что, даже добившись необходимой оценки от органов ВТО, государство не сможет ссылаться на это, требуя отмены санкций от институтов ЕС. Решения, принятые в рамках ВТО, с позиции Суда ЕС носят преимущественно рекомендательный, а не обязательный характер. Как указал Суд в деле «Portuguese Republic v. Council of the European

⁶ OJ L 288/69 30/10/2013.

⁷ OJ L 288/69 30/10/2013.

⁸ См. подробнее: Трубачева К. И. Правовые основы построения взаимоотношений между Европейским Союзом и Республикой Беларусь // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 970—974.

⁹ «БТ Телекоммуникации», филиалы ООО «Трайпл», совместного ООО «НефтеХимТрейддинг», совместного ООО «Трайплфарм» и ООО «Трайпл-Велес», «Юнивест-М», а также филиалы иностранного ООО «Юнис Ойл» и совместного ООО «ЮнивестСтройИнвест».

¹⁰ См. подробнее: Жбанков В. А., Трубачева К. И., Слепак В. Ю. Правовой режим ограничительных мер в европейском праве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 221—226.

¹¹ Как раз под эту категорию попали и санкции ЕС против России.

Union»¹², исходя из природы и структуры соглашений ВТО, они не относятся к числу актов, обязательных для Суда, если только Союз не выразил намерение имплементировать определенные положения права ВТО в свою правовую систему или мера Союза непосредственно не ссылается на положения соглашений ВТО. Таким образом, Суд ЕС определяет соглашения ВТО как соглашения, «основанные на взаимности и взаимной выгоде», что, как следствие, не дает заявителю права ссылаться на нормы ВТО при рассмотрении дел в ЕС¹³.

При этом и право ЕС не предусматривает возможности обжалования ограничительных мер государством, на которое наложены санкции (пар. 1 ст. 275 ДФЕС). Таким образом, единственным путем для отмены санкций будет являться политический диалог.

Тем не менее правовые механизмы защиты интересов частных лиц, подпадающих под действие ограничительных мер, правом Союза предусмотрены.

Хотя по общему правилу, установленному пар. 1 ст. 275 ДФЕС, Суд Европейского Союза не обладает полномочиями в отношении положений об общей внешней политике и политике безопасности, а равно в отношении актов, принимаемых на их основе, из этого правила существуют исключения для физических и юридических лиц. Суд полномочен выносить решения по искам, подаваемым на условиях, предусмотренных в абз. 4 ст. 263 ДФЕС, в целях контроля правомерности решений, принимаемых Советом на основании гл. 2 разд. V Договора о Европейском Союзе, которыми предусматриваются ограничительные меры против физических или юридических лиц.

Согласно ст. 263 ДФЕС Суд ЕС помимо прочего контролирует правомерность актов органов или учреждений Союза, направленных на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. Любое физическое или юридическое лицо может подавать иски против актов, адресом которых оно является либо которые непосредственно и индивидуально его затрагивают,

а также против регламентарных актов, которые непосредственно его затрагивают и не требуют исполнительных мер. С учетом положения пар. 2 ст. 275 в случае с санкциями эти положения также применимы, так как речь идет об актах, которые непосредственно и индивидуально затрагивают соответствующее лицо.

Таким образом, как и в российском праве, при обжаловании нормативных актов лицо должно доказать, что оспариваемые решения или регламент адресованы такому лицу и эти акты нарушают его права, свободы и законные интересы или создают иные препятствия для осуществления таких прав, свобод, законных интересов.

Одной из проблем рассмотрения дел об оспаривании санкций является динамичность правового регулирования: уже после подачи заявления в Суд Совет ЕС может внести поправки в обжалуемые акты. Суд пошел по пути, разрешающем стороне изменять ранее заявленные требования, с тем чтобы обеспечить рассмотрение актуального нормативного акта, не заставляя ее подавать новое заявление. На документальное закрепление необходимых процедур направлена новая редакция ст. 86 Правил-процедур¹⁴ Трибунала ЕС¹⁵.

По результатам анализа судебной практики ЕС можно выделить три основные группы оснований, по которым лицо может требовать отмены введенных в отношении него ограничительных мер:

- 1) явная ошибка в оценке (вовлеченности лица в противоправное деяние);
- 2) процессуальные нарушения (при принятии соответствующих актов ЕС);
- 3) нарушения прав человека вследствие применения актов ЕС, вводящих санкции против частных лиц.

Наилучшим способом отменить санкции является предъявление доказательств того, что Совет ЕС или Комиссия при введении санкций неправильно оценили ситуацию и ввели ограничительные меры против невиновного лица. В принципе, действительно, быть невиновным

¹² Judgment of the Court of 23 November 1999 Portuguese Republic v Council of the European Union Case C-149/96.

¹³ Judgment of the Court Joined cases C-300/98 and C-392/98 Parfums Christian Dior SA v TUK Consultancy BV and Assco Gerüste GmbH and Rob van Dijk v Wilhelm Layher GmbH & Co. KG and Layher BV.

¹⁴ Rules of procedure of the General Court. OJ L 105, 23.04.2015. P. 1—66.

¹⁵ По общему правилу иски об оспаривании актов, вводящих ограничительные меры против частных лиц, рассматривает Трибунал.

не обязательно, так как бремя доказывания лежит на институте, который ввел санкции. Как отметил Суд в деле «Bank Mellat v. Council»¹⁶, «бремя доказывания возлагается на Совет, и отсутствие доказательств не свидетельствует против банка (заявителя)».

Обязанности представлять обоснование включения в санкционные списки уделяется большое внимание. Как подчеркивается Судом, обязанность давать обоснование является принципом Европейского Союза, и изъятия из этого принципа возможны только по веским причинам¹⁷.

Таким образом, Совет должен известить лицо, против которого применяются санкции, о причинах, послуживших основанием для их введения, а также о нормах права, выступающих правовым обоснованием для применения соответствующих мер. Эти основания должны быть доведены до лица, против которого применяются ограничительные меры, одновременно с актом, ухудшающим правовое положение такого лица. При этом несвоевременное исполнение этой обязанности не может быть компенсировано тем, что такое обоснование будет предоставлено лицу во время судебного разбирательства в Суде ЕС.

Эти требования логично вытекают из требований актов первичного права. Статья 41 Хартии Европейского Союза об основных правах (далее — Хартия) закрепляет право каждого лица иметь доступ к материалам своего дела и обязанность администрации мотивировать свои решения. Право иметь доступ к материалам дела неоднократно подтверждалось судебной практикой, а обязанность мотивировать решения по ст. 41 Хартии корреспондирует требованиям абз. 2 ст. 296 ДФЕС, предусматривающим, что правовые акты должны быть мотивированными и содержать ссылки на предложения, инициативы, рекомендации, запросы или заключения, предусмотренные договорами.

Тем не менее право Союза допускает ограничение прав, установленных Хартией. Согласно ст. 52 Хартии при соблюдении принципа пропорциональности могут вводиться ограничения, когда они являются необходимыми

и действительно соответствуют целям общего интереса. Именно о таких случаях говорится в решении по делу «Bank Mellat v. Council of the European Union», когда упоминается возможность изъятия из принципа предоставления информации по веским причинам.

Применению таких изъятий посвящена весьма обширная судебная практика, в частности такие ключевые решения, как «Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission [2008] ECR I-6351»; Case C-300/11 ZZ [2013] ECR; and Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P Commission and Others v. Kadi [2013] ECR.

Для регламентации процедур применения таких изъятий в 2014 г. были инициированы изменения в Правила-процедуры Трибунала ЕС. Прежняя редакция прямо не предусматривала возможность отступления от правила равного доступа сторон по делу к информации, предоставляемой другой стороной. Новая редакция Правил в ст. 105 предусматривает возможность предоставлять информацию, раскрытие которой может причинить ущерб безопасности Союза и (или) его членов, в виде отдельного документа только Суду, не раскрывая такую информацию другой стороне¹⁸. Таким образом, введение такой нормы не является чем-то революционным, но лишь отражает уже сложившуюся судебную практику. Тем не менее остается под вопросом пропорциональность такого ограничения и его соответствие праву на защиту.

Второй группой оснований для отмены санкций являются процессуальные нарушения. К ним можно отнести и нарушение обязанности предоставить основания, по которым вводятся ограничительные меры против конкретных лиц, и собственно нарушения процедур принятия соответствующих актов.

Третьим основанием для отмены санкций является нарушение актами, вводящими ограничительные меры, прав человека. Как подчеркивает Суд в решении по делу *Kadi*¹⁹, положения права Европейского Союза не могут толковаться как разрешающие отступления от принципов

¹⁶ Judgment of the General Court T-496/10 Bank Mellat v. Council of the European Union.

¹⁷ Judgment of the Court of First Instance T-390/08 Bank Mellat v. Council of the European Union.

¹⁸ Rules of procedure of the General Court. OJ L 105. 23.04.2015. P. 1—66.

¹⁹ Judgment of the Court Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P Yassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union.

свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, закрепленных в ст. 2 ДЕС. Необходимо учитывать, что ЕС основан на верховенстве права и ни государства-члены, ни сам ЕС не могут избежать проверки законности их актов на предмет соответствия учредительным договорам, имеющим конституционный характер, и учредившим цельную систему защиты прав и процедуры, направленные на предоставление Суду полномочий рассматривать дела о законности актов институтов²⁰.

Правовым основанием для отмены актов Союза, вводящих ограничительные меры, обычно выступают ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) (право на справедливое судебное разбирательство), ст. 17 Хартии Европейского Союза об основных правах (право собственности), ст. 16 Хартии (свобода предпринимательства), ст. 2 ЕКПЧ и ст. 2 Хартии (право на жизнь), ст. 8 ЕКПЧ и ст. 7 Хартии (уважение частной и семейной жизни).

Но несмотря на столь высокое внимание к уважению прав человека и основных свобод, они, как уже упоминалось, могут быть ограничены по соображениям публичного интереса в соответствии с требованиями, установленными ст. 52 Хартии. Как уже отмечалось, права, предусмотренные Хартией, могут подвергаться ограничениям при условии, что эти ограничения на деле отвечают целям общего интереса и не образуют по отношению к поставленной перед ними цели несоразмерного или недопустимого вмешательства, которое нанесло бы ущерб самой сущности этих прав. Как следует из разъяснения ст. 52 Хартии²¹, «ссылка на общие интересы, признанные Союзом, охватывает как цели, упомянутые в ст. 3 Договора о Европейском Союзе, так и иные интересы, охраняемые специальными положениями Договоров». В число таких специальных положений входит и ст. 346 ДФЕС, устанавливающая оговорку о национальной безопасности²².

Более того, сами формулировки ст. 52 Хартии являются лишь нормативным закреплением сложившейся судебной практики. Верность этому подходу подтверждается и в современном прецедентном праве ЕС. Так, например, касательно возможного ограничения прав, предусмотренных ст. 16 и 17 Хартии ЕС об основных правах, Суд ЕС в деле «Europäisch-Iranische Handelsbank v. Council»²³ указывает, что в соответствии со сложившейся практикой право собственности и свобода предпринимательства образуют неотъемлемую часть общих принципов права, их соблюдение гарантируется Судом Европейского Союза, они закреплены, соответственно, в ст. 17 и 16 Хартии. Уважение данных основных прав является условием законности актов Европейского Союза. Тем не менее прецедентное право также четко устанавливает, что основные права не являются абсолютными и что их реализация может быть ограничена в целях защиты общих интересов, преследуемых Европейским Союзом. Любые экономические или финансовые ограничительные меры по определению затрагивают право собственности и свободу предпринимательства, тем самым причиняя ущерб, в частности лицам, осуществляющим деятельность, прекратить которую призваны ограничительные меры. Значимость целей, преследуемых соответствующим правовым актом, заключается в том, чтобы оправдать негативные последствия, даже существенного характера, возникающие для отдельных хозяйствующих субъектов²⁴.

Важно учитывать, что применяемые ограничения должны быть не только оправданными, но и пропорциональными. Таким образом, они должны быть эффективными в достижении цели, на которую направлены (т.е. реально работать), не должны выходить за пределы того, что нужно достичь (т.е. не использоваться как прикрытие для правил, не являющихся реально необходимыми) и быть пропорциональными тому, чего нужно достичь. Разумная, но

²⁰ Judgment of the Court of Justice 294/83 *Les Verts v. European Parliament*.

²¹ OJ C 303. 2007. P. 02.

²² О применении данной статьи см. подробнее: *Жбанков В. А., Трубачева К. И., Слепак В. Ю.* Правовой режим ограничительных мер в европейском праве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 221—226; *Четвериков А. О.* Оговорки о национальной безопасности в праве Европейского Союза // Российское право в Интернете. 2013. № 7.

²³ Judgment of the General Court T-434/11 *Europäisch-Iranische Handelsbank v. Council of the European Union*.

²⁴ Judgment of the Court C-84/95 *Bosphorus Hava Yollari Turizm ve Ticaret AS v. Minister for Transport, Energy and Communications and others*.

не очень важная цель не оправдывает существенно обременительное правило. Если есть выбор между различными мерами для достижения одной и той же цели, необходимо выбрать те меры, которые в наименьшей степени являются обременительными. Данные выводы являются общими для применения принципа пропорциональности, касательно же санкций, эти положения подтверждены Судом ЕС в деле «Europäisch-Iranische Handelsbank».

Обобщая вышеизложенное по третьему основанию для обжалования, можно сделать вывод о том, что проблема заключается не в самом факте ограничения прав человека актом Европейского Союза, а в балансе между уровнем таких ограничений и общим интере-

сом, защищаемым Союзом, т.е. санкции могут ограничивать основные права, но такие ограничения должны быть пропорциональными и обоснованными с позиций конкурирующих интересов различных групп²⁵. Соответственно, если доказать дисбаланс таких интересов и принятой меры, то существует шанс оспорить введенные санкции.

Рассмотренные три группы оснований обжалования санкций ЕС предоставляют широкие возможности для защиты прав и законных интересов частных лиц, неправомерно включенных в санкционные списки. При этом для самих государств, ставших «виновниками» введения санкций, остается лишь путь политического диалога.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2017 г.

REMEDIES IN CHALLENGING THE EUROPEAN UNION SANCTIONS

SLEPAK Vitaliy Yurievich — Associate Professor of the Department of Intergrational and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) PhD in Law, Associate Professor
v.slepak@consult-systems.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

TRUBACHEVA Christina Igorevna — Associate Professor of the Department of Intergrational and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) PhD in Law, Associate Professor
krista_@mail.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Abstract. *The article analyses theoretical, practical and comparative features of legal protection in challenging the restrictive measures of the European Union. The legal basis for the use of sanctions and certain specific legal provisions are considered. The authors focus on the specific mechanisms and remedies from European Union sanctions available to third countries.*

Keywords: *European Union, international law, third countries, restrictive measures, sanctions, appeals against the restrictive measures, European Union Law.*

²⁵ Judgment of the Court C-144/04 Werner Mangold v. Rüdiger Helm, Judgment of the Court C 555/07 Seda Küçükdeveci v. Swedex GmbH & Co. KG.